

А.Н. Пашикуров
A.N. Pashkurov

ПРЕДРОМАНТИЧЕСКАЯ ТАНАТОЛОГИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ РУБЕЖА XVIII–XIX ВЕКОВ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

PRE-ROMANTIC THANATOLOGY IN RUSSIAN POETRY ON THE CUSP OF THE 18th AND THE 19th CENTURIES IN TERMS OF THE WORLDVIEW

Наращение танатологических мотивов в русской философской лирике последней четверти XVIII века знаменует собой постепенный переход от сентиментализма к предромантизму. Очень многое в поэтике художественных экспериментов писателей того времени определяется идеологией масонства. Это, в свою очередь, по-новому активизирует и актуализирует для деятелей литературной культуры 1780–1800-х годов поэтику Возвышенного, принципы так называемого «кризисного психологизма» и лирической суггестии. Опираясь частью на традиции английской «кладбищенской литературы» (юнгианская школа), русские авторы привносят целый ряд новаций, среди них ведущие: синтез оды и элегии в явлении так называемых «элегических од», новое поэтическое учение о Смерти, кризисе Бытия и мировой катастрофе, концепция Сна. Для полноты картины необходимо учитывать и контекст мировой философско-эстетической мысли той поры (представления о «высоком страхе», «очищающем Высоком» и некоторые другие). На стыке всех этих тенденций оказывается в ситуации формирования предромантической литературной культуры творчество таких поэтов-философов, как Семен Бобров, Гавриил Каменев, Ефим Люценко, Анна Турчанинова. Для выявления общих системных закономерностей, мы предлагаем в данной статье сводный мотивно-концептный подход. В основе системы находятся следующие категориальные понятия: поэтика Бездны / Ночи / Хаоса, символика Огня и Света, мотив явления Божественной Души и связанный с этим идеал Небесной Гармонии. Собственно танатологическая поэтика базируется на таких идеологемах, как: всемогущество власти Смерти как Закон Бытия Космоса, диалектика соотношения феноменов Сна и Смерти, представления об общей Катастрофе и катаклизме Кризисов Бытия. В складывающейся в итоге романтико-элегической мироконцепции одну из центральных ролей исполняет психологический мотив так называемой «суггестии» («подсказывание», «внушение» определенной воздействующей на подсознание человека эмоции с характерно выраженным отрицательным энергетическим зарядом, по определению В.Э. Вацууро). Следующий этап научных разработок – рассмотрение танатологической поэтики в лирике раннего русского романтизма (Андрей Тургенев, Александр Мецеровский и другие).

Ключевые слова: русская философская поэзия рубежа XVIII–XIX вв., танатологическая поэтика, становление предромантизма, Возвышенное, идеи Кризиса и Гармонии.

The growth of thanatological motives in Russian philosophical lyrics of the last quarter of the 18th century marks a gradual transition from Sentimentalism to Pre-Romanticism. Much in the poetics of literary experiments of the writers of that time is dictated by Masonry ideology. This fact, in its turn, activates and analyses the poetics of the Sublime, the principles of so called "crisis psychologism" and lyrical suggestion for the literary culture figures of the 1780–1800ies in a new way. Drawing partially on old traditions of English "graveyard literature" (Jungian school), Russian authors introduce a wide range of novations, the principal among them are: the synthesis of an ode and an elegy in the phenomenon of so called "elegiac odes", a new poetic theory of Death, the crisis of Being and the world disaster, the concept of Sleep. To make the picture complete, the context of the world philosophical-and-aesthetical thought at that time (the concepts of "high fear", "expurgatory Spiritual Values" and some others) is to be taken into consideration as well. The literary creativity of such poets-philosophers as Semjen Bobrov, Gavriil Kamenev, Efim Lutsenko, and Anna Turchaninova finds itself in the situation of forming Pre-Romantic literary culture at the nexus of all these tendencies. To reveal common systemic patterns, we suggest a consolidated motive-conceptual approach in this article. The following categorical concepts: the poetics of Abyss / Night / Chaos, the symbols of Fire and Light, the motive of the appearance of the Divine Soul and the ideal of the Heaven Harmony associated with it are the cornerstone of the system. The thanatological poetics itself is based on such ideologemes as: the all-might of the power of Death as a Law of the Cosmos Existence/Being, the dialectics of the Sleep and Death phenomena correlation, the concepts of the general Disaster and the cataclysm of the Being Crises. The psychological motive of so called "suggestion" ("prompting", "inculcation" of a certain emotion exerting an effect on the human subconsciousness with specific negative cathexis, as defined by V.E. Vatsuro) plays one of the central parts in the resulting romantic-elegiac world concept. The next stage of scientific research is consideration of thanatological poetics in the lyrics of early Russian Romanticism (Andrey Turgenyev, Aleksandr Meshchevsky and others).

Key words: Russian philosophical poetry on the cusp of the 18th and the 19th centuries, thanatological poetics, Pre-Romanticism formation, the Sublime, the ideas of Crisis and Harmony.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-39-45

Трагедия наступающего «перелома времен» стала одним из рефренов русского предромантизма и обусловила такую его мировоззренческую основу, как новое представление о Смерти. По-видимому, именно к этому периоду следует отнести постепенный генезис художественной танатологии в отечественной литературной культуре вообще.

Выходя на проблему соотношения внутренней трагедии Бытия человека с общими катастрофическими законами мироздания, авторы русского предромантизма постоянно обращались и к поэтике Возвышенного. «Смерть, как и любовь, всегда была глубочайшим, могучим и неиссякаемым источником лиризма», – так образно сформулировал суть процессов, происходящих в русской лирике к началу XIX столетия, известный исследователь И.Н. Розанов [18, 20].

Дидактические истоки русской предромантической танатологии, справедливо подчеркивал ученый, уходят корнями в феномен философской оды предклассицизма и

классицизма. Философские «элегические оды», уже времени распространения предромантических тенденций, в творчестве В.В. Капниста и Г.Р. Державина – показательное подтверждение и продолжение таких традиций: «Ода на смерть Плинии» (1794) и «Ода на смерть сына моего» (1787; 1806) Капниста – и «На смерть князя Мещерского» (1779), а также поздние одические эпитафии Державина («Надгробие Шелехову» (1796), «На смерть графа А.В. Суворова-Рымникского, князя Итальянского, в С.-Петербурге <1800> года» (1800)). Петербургские филологи склонны, исследуя феномен художественных переводов в России последней четверти XVIII века, утверждать господствующее положение английской поэзии в данном случае, причем – сразу в нескольких аспектах. Во-первых, в английской поэзии «... *новые идеи сентиментализма и преромантизма* получили <...> последовательное и законченное выражение» [9, т. 2, 145]. Во-вторых, именно «... поэзия английского сентиментализма выдвинула две основные темы – природы и смерти. Темы эти были связаны между собою и представляли два аспекта отрицания цивилизации» [Там же] (курсив наш. – А.П.). Наконец, в-третьих, сосредоточившись в знаковых и культовых для той эпохи поэмах Дж. Томсона и Э. Юнга, лирическая танатологическая медитация, прежде всего через творчество Юнга, нашла «... особенно живой отклик в России <...> в среде литераторов-масонов ...» [Там же].

Учитывая одну из центральных смыслообразующих позиций масонства в России второй половины XVIII – начала XIX столетий, нельзя не признать и значительный вес масонской идеологии в интересующей нас танатологической картине мира в отечественном предромантизме. Кстати – примечательный факт: один из духовных лидеров движения – И.Е. Шварц – был даже удостоен почетного титула: «смертолюбивейший».

Из поэтов занимающего нас периода прозрачней всего связи с масонством у С.С. Боброва и Г.П. Каменева. О Боброве как масоне писал еще И.Н. Розанов, указывая на преемственность в его творчестве и взглядах традициям Михаила Хераскова [18, 21–22]. Данные касательно принадлежности Каменева масонской организации окончательно «узаконены» сравнительно недавно ([19, 948]). Оба эти поэта-мистика так или иначе создавали в философском сознании литературной культуры России порубежной ситуации новую картину Бытия, в основе которой, по интересному наблюдению Н.И. Николаева, – стремление «...охватить Вселенную взглядом» и необходимое «отстранение», с тягой «...подняться на некую умозрительную высоту, ... для того, чтобы ощутить свою противоположность миру, непричастность ему ... ввергнуть его в отчуждающий хаос и разрушение» [11, 103].

Философия смерти у обоих авторов базируется на целом ряде общих мировоззренческих установок. Вот ведущие из них – сравним:

1. Всомогущество власти Смерти как Закон Бытия Космоса

А. Бобров:

1) «Сурова мать тьмы, царица ночи темной» («Хитрости Сатурна, или Смерть в разных личинах», 1789) [13, 83];

2) «Ах, гроба ночь покрыла нас» («Ночь», 1801–1804) [13, 126];

3) «...меди стон, / Я слышу, к смерти будит он!»; «Желанье злейшее могил»; «Всемогуща грусть! сильнее смерти грусть!»; «О бесконечна смерть!» («Цахариас в чужой могиле», 1809) [13, 160].

Б. Каменев:

1) «...все влекут часы крылаты / На мощных – к вечности - хребтах» («Мечта», 1796) [15, 524];

2) «Дух мой объемлет трепет и ужас! / <...> /Слаб и порочен сей свет!» («Кладбище», 1796) [15, 539];

3) «...И цель твоя – одна лишь смерть» («Вечер 14 июня 1801 года», 1803) [14, 208].

2. Смерть и сон, Смерть как Сон:

А. Бобров:

1) «Се! – от твоей стопы река снотворна льется / <...> / Да в четырех странах вселенная пройдет! / Навислые берега, где *кипарис* растет...» («Хитрости Сатурна») [13, 83] (курсив наш. – А.П.: примечательная древневосточная символика);

2) «Сон мертвый с дикими мечтами / <...> / ... с крыл зернистый мак летит» («Ночь») [14, 126–127].

Б. Каменев:

1) «Исчезло все – как сон! / <...> / Так стало все мечта на свете?» («Мечта») [15, 526];

2) Гидра отчаяния: «... пасть ее кровава / Обременится тяжким сном» («К.П.С.Л.Р.») [15, 533];

3) Многогранная поэтика Сна в «Громвале» (1803): Сон – оцепенение богатыря, сон – тайна его невесты, сон смерти как «анти-жизнь» – у волшебника Зломара;

4) Сон как предвесье Смерти – «Скорби жестоки, горести чует / Сердце мое ...» («Сон») 1803 [14, 204].

3. Общая катастрофа, катаклизм Бытия:

А. Бобров:

1) «Где начинался ад, подземный дует дух / И воет в глубине...»; «И, косу прековав в перун еще в земле, / Удары гибельны с ужасным ревом мещешь...» («Хитрости Сатурна») [13, 84];

2) «Призрак крылатый»: «На крыльях его звенящих / <...> / Лежит устав судеб грозящих / <...> / То ангел смерти – ангел грозный...» («Ночь») [13, 128]; век «... в тьму будущего полетел»; «Тут горы, высясь к облакам, / <...> / И одночасные пылины / <...> / Дрогнувши, исчезают вмиг...» [13, 129];

3) «Я зрел, отчаян в бездне мрачной, / Хаоса пред собой престол...» («Цахариас в чужой могиле») [13, 160].

Б. Каменев:

1) «Завыли бурны Аквилоны / <...> / Зла фурия, на сердце пав, / Терзала, жалила, язвила / <...> / Осталась бытия – лишь тень!»; «...болезни, страхи, раны / Колеблют, рушат и мятут» («Мечта») [15, 525];

2) «Декабрьский ветер завыл с Востока / <...> / То холм вознес, то взрыл он ров / <...> / Ревущи вихри закрутились, / Нося опасности в ребрах»; «...треск ужасный / Слетел в земную глубину» («К.П.С.Л.Р.», 1796) [15, 527];

3) Символообраз ночной страшной птицы близ могилы как центральное воплощение-олицетворение кризиса («Кладбище»);

4) «Камни надгробны вдруг потряслися...» («Сон») [14, 205].

Осмысление Смерти как «проводника» из конечного земного Бытия в бесконечный мир Вечности – ярко представлено и в известном стихотворении Каменева «Кладбище» (1796): «В жизни он терпит; в смерти получит / Вечности счастье все...» [14, 186].

Примечательна в историко-литературном контексте гипотеза В.Э. Вацура – о роли так называемой «суггестии» в складывающейся романтико-элегической мироконцепции. Это «подсказывание», «внушение», «наведение» (можно добавить: своеобразное «гипнотизирование»!) питает «эмоцию страха» как зерно «идеи Возвышенного», которая, в свой черед, соотносима «...с наличием в человеческом сознании «неясных», «неопределенных» идей...» [4, 53]. Один из основоположников концепции так называемого «Ужасного Возвышенного» в мировой философской эстетике Эдмунд Бёрк отмечал такую развернутую во времени эволюцию лирических эмоций: от «окутанности тьмой и мраком (неизвестности)» – через феномен силы, «огромной власти» и «внезапной боли» – к идеологии Бесконечности и Вечности [2].

Известный в России рубежа столетий теоретик искусства Мальтебрен в своем «Разсуждении об элегии» именно этот жанр связывал с подобной философией «высокого Страха», когда писал: «...радость отравляется прискорбным воспоминанием, <...> она смешана с беспокойным страхом» [20, 220]. В случае с поэтикой Гавриила Каменева власть элегической модели в ходе формирования танатологических мотивов бесспорна. Но, как

убеждает нас комплексный анализ протекающих тем и образов в произведениях Семена Боброва, видимо, и у этого поэта следует признать полноправность тонов «скорбной элегии». В.Л. Коровин, к примеру, убежден, что именно благодаря долгосрочному «воздействию» лирико-философской системы Боброва был успешно преодолен кризис русской «элегической школы», последовавший уже к началу 1820-х годов. Как раз у Боброва, замечает далее исследователь, контрастная двойственность лирической темы выражалась наиболее ярко: через оппозицию – «царственное великолепие» и «угроза гибели» [10, ч. 4, 5, 9].

К.Н. Григорьян в своих наблюдениях уже над романтической элегией последующего времени окончательно доказал значимость для миропонимания этого жанра поэтософии Возвышенного. Согласно концепции ученого, второй «ступенью» осмысления Бытия в этой модели как правило выступает «...тоска по другой жизни, стремление находить удовлетворение в Возвышенном (мир Идеала)» [7].

Произведения Боброва и Каменева в итоге, благодаря как раз новой танатологической картине мира, выходят к новым горизонтам предромантизма и становящегося романтизма. Наиболее здесь показательны такие приметы-рефрены, как: поэтика сна – «пробуждения к смерти», культ смерти как всевластной «управительницы» катаклизмов и катастроф Бытия, фокусировка – прежде всего через символику огня и света – образа «посланника Смерти» (ср.: бобровский «ангел смерти» в «Ночи» или «крылатая жена» среди «огненных столпов» и молний – у Каменева («К П.С.Л.Р.»)).

Говоря о «английском контексте» русской предромантической танатологии, примечательно «составить» и еще один «дуэт»: Семен Бобров – Ефим Люценко. Оба названных автора, поэты-современники, устойчиво обращались к переводам из английских писателей. В случае с творчеством Боброва, насколько позволяют судить современные научные гипотезы, это сложилось даже в целостное явление диалога английской и русской традиций в так называемой «кладбищенской поэзии» (см.: [1; 21]).

Поэтологию «возвышенной Смерти» в ее развитии из философской оды к новым, предромантическим тенденциям наглядно можно увидеть через сопоставление од Боброва и Люценко: «Торжественное вдохновение ночи» (1787) – и «Взор на будущее» (1796), соответственно.

1. Поэтика Бездны / Ночи / Хаоса

А. Бобров

– «Да будут изумленны очи / В ужасных небесах летать, / Да будут в ризе темной ночи / Узоры дивны созерцать...» [3, 25];
– «...небо страшно воспевают...» [3, 26];
– «Почтож миры не померкают, / Чтоб ночь в тьме вечной углубить, / И солнца в низ не упадут...» [3, 27]

Б. Люценко

– «В пучину вечности, за двери мрачна гроба...»;
– «И тут как в хаосе, как в пропасти глубокой...» [16, 135–136];
– «Чудесный хаос, тьма, в которой я тону...» [16, 137].

В целом, здесь налицо предсказывание предромантизма как мировоззрения, когда «... именно ужас может рождать не только сильные ощущения и чувства, но и доставлять подлинное эстетическое наслаждение» [5, 51–52].

2. Символика Огня / Света

А. Бобров

– «Разсыпала свой блеск дрожащий / Вечерняя звезда с небес...» [3, 25];
– «...вместо искр он позлащенны / Выносит звезды за собой...»;
– «...рдясь в странах безвестных / От миробытия луч их...» [3, 26–27].

Б. Люценко:

– «Чистейший жизни огонь, сей дар небес благих...» [16, 137].

3. Мотив «явления – озарения» Божественной души и картина возможной Гармонии

А. Бобров:

– «Гармонии горней чудеса» [3, 26];

– «Открой мне лестницу чудесну, / К земле спущенну с горных мест, / <...> Возходит мудрый выше звезд» [3, 29];

– «...в славе выведешь за нами / Собор катящихся миров» [3, 29].

Б. Люценко:

– «Божественна душа! Я зрю тебя удобно...» [16, 138];

– «Взгляни на Океан эфира безконечный, / На солнце, на миры, на сей порядок вечный...» [Там же].

В случае с мотивом поиска Божественной Гармонии предромантические перспективы у сравниваемых поэтов также абсолютно очевидны – идет постепенная кристаллизация предромантической философии Гения (мудреца) – ср. выделенные курсивом фрагменты стихотворения Семена Боброва.

Еще многогранней литературный контекст, подводящий к теме Смерти, в случае с творчеством Анны Турчаниновой. Для И.Н. Розанова имя ее стояло в одном ряду с учеником М.М. Хераскова – Бобровым, устойчиво соотносясь и с масонской аурой [18, 21–23] (в целом, заметим, появление темы Смерти в русской женской поэзии XVIII века исследователи связывают с именем Елизаветы Херасковой: [8, 61]).

Некоторые опыты Анны Турчаниновой в свое время сам А. Веселовский провозгласил «...первым проблеском знакомства с романтизмом» в России [6, 131–132] (курсив наш. – А.П.). П.А. Орлов именно поэзию Турчаниновой упоминает, выходя на проблематику русского «юнгианства» (столь важного для предромантического движения и в целостности) [12, 254]. Именно П.А. Орлов выделил в самостоятельное художественное целое своеобразную турчаниновскую «дилогию о смерти» – «Ода. Достоинства смерти» и «Себе эпитафия» (обе публикации – в «Приятном и полезном...», Ч. 18 за 1798 год).

Первое из названных произведений реализует заложенную в нем энергетику «высокой танатологии» путем парадоксального столкновения антонимичных онтологических понятий, сравним:

Смерть – достойная любви,
Прах – во мрачный гроб скрываешь,
Дух – в обители свои [17, 298];

Ах! врагом тебя ли числить?
.....
Быть достойным мзды твоей? [17, 299].

Стержневым выступает в оде пафос духовного освобождения и взлета (даруемых Смертью!): «Ты наш дух освобождаешь, / <...> / Узы тяжки разрушаешь...» [17, 298].

«Себе эпитафия», в принципе, близка отчасти поэтике позднего сентиментализма, не случайна формула финала: «Вздых – будет мой венок, / Слеза – мой монумент...» [17, 304]. Однако абсолютизировать влияние этого направления здесь не следует. «Возмутителем спокойствия» оказывается символообраз Вечности, путь к которой пролегает через Смерть, с непреложным «освобождением Духа»:

И в гробе так желаю, –
Ты вечность не забудь,
Тебе напоминаю! [Там же].

Диалог миропонимания предромантизма и становящегося романтизма с философией Смерти искал себе не только тематический «выход», но и жанровое воплощение. Уникальной художественной лабораторией оказалась для многих авторов этого времени – Элегия. Выход на поэтософию Смерти в пределах жанра элегии отчетливо наблюдается в последней четверти XVIII столетия прежде всего у писателей, ориентированных на диалог с предшествующей традицией философического классицизма. На будущее интересно сопоставить в этом плане поэтику ряда «элегических од» Капниста и Державина с элегическими опытами «художников слова» уже новой, раннеромантической формации – Андрея Тургенева, Александра Мещевского и ряда других.

1. Альтицуллер М.Г. Оратория «Целение Саула» в системе поздней лирики Г.Р. Державина // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 268–281.
2. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей Возвышенного и Прекрасного. М., 1979.
3. Бобров С. Разсвет полнощи: в 4 ч. СПб., 1804. Ч. III.
4. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
5. Вершинин И.В., Луков В.А. Предромантизм в Англии. Самара, 2002.
6. Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916
7. Григорьян К. «Ультраромантический род поэзии» (Из истории русской элегии) // Русский романтизм. Л., 1978. С. 79–117.
8. История романтизма в русской литературе. Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790–1825). М., 1979.
9. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1996. Т. II: Драматургия. Поэзия.
10. Коровин В.Л. Пушкин и Бобров // Филологические науки. 1999. № 4. С. 3–10.
11. Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века Архангельск, 1997.
12. Орлов П.А. Русский сентиментализм М., 1977. С. 250–255.
13. Поэты 1790-1810-х годов. Л, 1971.
14. Поэты начала XIX века / вступ. ст. и комм. Ю.М. Лотмана. Л., 1961.
15. Поэты-радищевцы / под ред. Вл. Орлов. Л., 1935.
16. Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. XI.
17. Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. XVIII.
18. Розанов И.Н. Русская лирика. От поэзии безличной к исповеди сердца: историко-литературные очерки. М., 1914.
19. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: энциклопедический словарь. М., 2001.
20. Сын Отечества. 1814. № 51.
21. Хурумов С.Ю. «Ночная» «кладбищенская» английская поэзия в восприятии С.С. Боброва: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.